
Дракон,
которого я не выбирала
18+

Елена Ланц

Дракон, которого я не выбирала

«Автор»
2026

Ланц Е.

Дракон, которого я не выбирала / Е. Ланц — «Автор», 2026

Каждый дракон выбирает себе всадника. Только одного. И на всю жизнь.Но древнейший дракон империи, Архарион, решает нарушить тысячелетний закон и выбирает Эвелин Рейн — обычную девушку, которая панически боится высоты.Проблема в том, что у него уже есть всадник — Кайрен Вейл, беспощадный военачальник с дурным характером и опасно притягательной внешностью.Впрочем, характер самого дракона ещё хуже. Архарион упрям, язвителен, обожает вмешиваться в чужую личную жизнь и категорически отказывается летать, когда его избранники ссорятся.А ссорятся они постоянно.Но за их перепалками скрывается смертельная опасность. Древние пророчества, пленённые драконы, дворцовые предательства и запретное влечение превращают вынужденное путешествие в борьбу за судьбу империи.Ведь Архарион выбрал не второго всадника. Он выбрал свою будущую королеву.И самое страшное — мужчина, которому Эвелин начинает доверять своё сердце, однажды получит приказ её убить.

© Ланц Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Ланц
Дракон, которого я не выбирала

ЕЛЕНА ЛАНЦ
ДРАКОН,

КОТОРОГО Я НЕ ВЫБИРАЛА

Романтическое фэнтези

Пролог. Право сказать «нет»

В тот день, когда люди впервые попросили драконов спасти их от гибели, никто не преклонил колен.

Так говорили старые песни. В них не было ни корон, ни цепей, ни военачальников с серебряными знаками отличия. На краю мира стояли женщина в дорожном платье и дракон, чьи крылья затмевали полдень. За их спинами открывалась трещина в небе, и сквозь неё тянуло холодом, от которого обращались в пепел даже камни.

— Мне нечего предложить тебе, — сказала женщина. — Ни золота, ни земель, ни власти. Только просьбу.

Дракон опустил голову так низко, что она увидела собственное отражение в его глазу.

— Просьбы достаточно, если ты примешь мой отказ, — ответил он.

Она помолчала. За спиной плакали дети, люди бежали к морю, а с неба падал чёрный снег.

— Приму.

Тогда дракон сложил крылья, позволяя женщине подняться к нему на спину. И у мира появилось ещё одно утро.

Позднее правители назовут её первой королевой драконов. Они вырежут её лицо на монетах и посадят возле трона, которого она никогда не желала. Слова же, произнесённые в тот день, исчезнут из летописей. Власть имущим было неудобно помнить, что однажды мир спасло право сказать «нет».

Но Архарион помнил.

Он помнил всё.

Глава 1. Цветы для чудовищ

За день до церемонии Эвелин проснулась в гостиничной комнате от запаха подсушенной лаванды. Тэсса уже сидела у окна с раскрытым блокнотом и составляла список растений, которые нужно было забрать после праздника. На подоконнике стоял крохотный горшок с серебряным полынником — единственное растение, которое Эвелин привезла не для продажи.

— Ты могла оставить его дома, — заметила наставница.

— Он плохо переносит одиночество.

— Какое удивительное совпадение. Ты тоже.

Эвелин спрятала улыбку в чашке. Мыслями она была в Вязовом Броде, где к вечеру нужно было закрыть теплицу, проверить двери и оставить кошке соседки блюдце воды. Все эти дела теперь исполнял мальчик-подмастерье. Она беспокоилась о нём больше, чем о столичной церемонии.

— Ты не обязана возвращаться сразу после работы, — сказала Тэсса. — Можешь остаться, посмотреть город. Здесь есть библиотека лекарственных трав, о которой ты мечтала.

— А вы?

— Я умею жить несколько дней без твоих распоряжений. Представь себе.

Эвелин рассмеялась. Тэсса была строга, но никогда не позволяла ей считать жизнь чем-то, что нужно заслужить безупречным трудом. После смерти Миры она не пыталась заменить мать. Просто однажды поставила вторую чашку на стол, оставила дверь открытой и больше не просила объяснять слёзы.

— Если бы мама была жива, — сказала Эвелин, — она, наверное, захотела бы увидеть драконов.

Тэсса оторвалась от блокнота. Тень легла на её лицо.

— Возможно. Она говорила, что большие существа часто оказываются добрее людей, которые боятся показаться маленькими.

— Странная мысль.

— Мира вообще была странной женщиной. Ты в неё пошла.

Вечером они прошли мимо площади, где торговцы продавали сувенирные фигурки драконов. Взрослые покупали их детям, дети требовали самые большие. На прилавке Эвелин заметила чёрную фигурку с серебряной полосой по спине.

— Архарион, — сказал продавец с гордостью. — Последний первородный. Приносит удачу.

— Он и в жизни такой маленький? — поинтересовалась Эвелин.

— В жизни он съел бы мой прилавок вместе со мной.

Она поставила фигурку обратно, решив не тратить деньги на безделицу. Позднее ей часто хотелось вернуться к этому мгновению, когда древнейший дракон был всего лишь смешной деревянной игрушкой, а её самым большим страхом оставалась цена дороги домой.

• • •

Наутро, в день церемонии, Эвелин Рейн вновь убедилась, что не любит драконов. Это было неловким признанием для человека, которому платили за украшение главного драконьего праздника империи, но к двадцати трём годам она выработала правило: если работа обещает три месячных жалованья за два дня, лучше не выяснять, какие именно неприятности скрываются за щедростью заказчика.

— Не стой под хвостом, — предупредил её седой служитель арены.

— Не собиралась. Мой план — поставить эти цветы и прожить как минимум до ужина.

Она передвинула корзину с лунными ирисами подальше от громадной чешуйчатой лапы. Дракон, которому эта лапа принадлежала, спал за решёткой. Во сне он выпускал из ноздрей дым, и края нежных лепестков мгновенно темнели.

— Тебя предупредили, что ирисы не должны касаться огня? — спросила девушка.

— Драконов не принято предупреждать.

— Это многое объясняет в устройстве империи.

Служитель уставился на неё так, словно она предложила поджечь дворец. Эвелин сдержала вздох. В Вязовом Броде подобные замечания вызывали смех. В Ардене, где каждый второй носил форму и каждый третий считал себя родственником императора, чувство юмора было, по-видимому, государственной изменой.

Она приехала в столицу три дня назад вместе с наставницей, госпожой Тэссой, и двенадцатью ящиками редких растений. Тэсса знала о травах больше, чем все дворцовые лекари вместе взятые, но плохо переносила лестницы. Поэтому Эвелин взяла на себя арену, тяжёлые ящики и разговоры с людьми, смотревшими на неё как на неподходящее украшение праздника.

Её тёмно-рыжие волосы выскальзывали из косы, зелёное платье уже было испачкано землёй, а на указательном пальце красовалась свежая царапина. Рядом проходили девушки в шёлке и юноши в парадных мундирах. Каждый из них мог оказаться избранником молодого дракона.

В отражении полированного подноса ей на секунду попалось собственное лицо: светлая кожа, вздёрнутый от упрямства подбородок, зелёные глаза с золотистыми крапинками и

несколько веснушек у переносицы. На торжественных портретах таких девушек изображали на заднем плане, возле горшков с цветами. Эвелин это вполне устраивало: цветы, по крайней мере, редко задавали глупые вопросы.

— Слышала? Сегодня будет сам Архарион, — шепнула одна из служанок подруге.

— Он никогда не появляется на церемониях.

— Говорят, маршал заставил.

— Маршала тоже никто не может заставить.

Эвелин приподняла бровь. О верховном маршале Кайрене Вейле она слышала столько, что успела составить неприятное мнение, ни разу не встретив человека. Ему приписывали победы, жестокость и удивительное умение заставлять подчинённых молчать одним взглядом. Легенды расходились в деталях; единственное, в чём сходились все рассказчики, — он был красив, словно опасность могла оказаться достоинством.

На дальнем краю арены ударил колокол. Эвелин подхватила пустую корзину и направилась к служебному проходу. Праздник начинался, значит, её работа была окончена.

— Девушка! — окликнул надсмотрщик. — Куда это вы?

— В место, где не выбирают всадников. Желательно с супом.

— Выход закрыт до конца церемонии. Приказ маршала.

Она посмотрела на тяжёлые решётки, которые как раз опускались над проходом.

— Передайте вашему маршалу, что он только что испортил мне ужин.

— Могу передать лично, — раздалось за её спиной.

Эвелин повернулась.

Мужчина в тёмном мундире стоял у входа в галерею. Высокий, с широкими плечами и чёрными волосами, небрежно зачёсанными назад, он выглядел так, словно даже свет старался не задерживаться на его лице без разрешения. Глаза были серебристо-серыми — необычными, холодными. Над воротником виднелся край старого шрама, уходившего под ткань к левой ключице.

Надсмотрщик побледнел и выпрямился.

— Господин маршал!

«Разумеется», — подумала Эвелин.

— Я не знала, что приказы в этой империи настолько хрупки, что портятся от упоминания ужина, — произнесла она.

Серебристые глаза задержались на её корзине, грязных пальцах и распавшейся косе.

— Если вы закончили работу, ждите за колоннами. Выход откроют после церемонии.

— А если я опоздаю на последний экипаж?

— Найдёте другой.

— Блестящая стратегия. Теперь понятно, почему мы выигрываем войны.

На мгновение ей показалось, что уголок его рта дрогнул. Но лицо маршала осталось каменным.

— За колонны, госпожа...

— Рейн. Эвелин Рейн.

Его взгляд изменился. Совсем чуть-чуть, будто он услышал знакомую ноту в чужом голосе.

— Рейн, — повторил он тихо. — Ступайте.

И ушёл, оставив после себя запах кожи, холодного железа и странное ощущение, будто она случайно наступила на что-то давно погребённое.

Эвелин устроилась в тени огромной колонны и решила, что больше ничего неприятного за этот день случиться не может.

Через десять минут древнейший дракон империи опустится перед ней на колени.

Глава 2. Выбор

Церемония началась красиво и закончилась катастрофой.

По крайней мере, именно так позже записали в официальных донесениях. Эвелин же помнила, как первый белый дракон выбрал девочку с дрожащими руками, как толпа взревела от восторга, как кто-то уронил золотую чашу. Она видела розовые ленты, серебряные копья караула и утомлённое лицо императора Дариана Четвёртого на высокой ложе. Всё было удивительно торжественно и совершенно её не касалось.

Пока не открылись северные ворота.

Архарион вошёл без сопровождения.

Чёрный, как ночь перед грозой, он был больше всех драконов арены вместе взятых. Тонкие серебряные прожилки расходились по чешуе, будто под ней текли реки звёздного света. Золотые глаза не отражали факелов: казалось, свет рождался в их глубине.

По трибунам пронёсся благоговейный шёпот. Всадники поклонились. Кайрен, стоявший в центре арены, не поклонился; он просто встретил взгляд дракона, как встречают старого товарища.

— Он не должен был выходить, — сказал кто-то позади Эвелин.

Архарион сделал шаг, второй. Прошёл мимо императорской ложи. Мимо маршала. Мимо шеренги наследников знатных родов, ожидавших чуда.

И остановился у колонны, за которой пряталась девушка с пустой корзиной.

Эвелин медленно подняла глаза.

— Нет, — сказала она.

Дракон наклонил голову.

— Нет-нет. Ты ошибся. Я цветы ставила. Цветы, понимаешь?

Он посмотрел на неё с откровенным интересом.

— У меня даже нет специальной одежды. И я боюсь высоты.

На арене стало так тихо, что слышно было, как трещит фитиль ближайшей лампы.

Дракон сложил передние лапы и опустил голову до самой земли.

Не жест покорности. Почтение.

В запястье Эвелин впилась боль. Она вскрикнула и выпустила корзину. По коже побежали золотые линии, складываясь в знак раскрытого крыла и круга, незамкнутого у основания.

В тот же миг голос прозвучал у неё в голове.

«Наконец-то».

Он был низким, тёплым и совершенно не похожим на человеческий.

Эвелин схватилась за виски.

— Кто это сказал?

«Тот, кто ждал слишком долго. Хотя признаю: твоя встречная речь могла быть немного любезнее».

Она отступила. Хвост Архариона мягко преградил ей путь.

— Ты говоришь?!

«Не при всех. Не стоит портить людям иллюзию, будто они умнее нас».

— Архарион! — Кайрен подошёл так быстро, что стража едва успела расступиться. — Отойди от неё.

Дракон даже не шевельнулся.

— Я отдал приказ.

«Я заметил», — сказал голос в голове Эвелин.

Маршал остановился совсем близко. Эвелин впервые увидела, как выглядит его гнев, и была вынуждена признать: слухи не преувеличивали. Он не повышал голоса, но тишина вокруг становилась плотнее.

— Что ты с ним сделала?

— Простите?

— Какое заклинание вы применили?

Эвелин подняла запястье, на котором продолжала пульсировать золотая метка.

— Если вы знаете заклинание, способное убрать вот это, я с удовольствием его выслушаю.

Кайрен перевёл взгляд на знак. Его собственная метка — серебряная, на внутренней стороне предплечья — вспыхнула сквозь ткань мундира.

Архарион довольно прищурился.

«Теперь можно начинать».

На императорской ложе поднялся канцлер Эстен Ропр, сухой человек с узкими плечами и гладко зачёсанными седыми волосами. Он что-то быстро сказал Дариану, после чего отдал знак страже.

— Девушку задержать, — раздался приказ.

— За что? — Эвелин отступила ещё на шаг.

— До выяснения обстоятельств, — отрезал Ропр.

Солдаты приблизились. И тогда Архарион расправил крыло — не угрожающе, но достаточно, чтобы над половиной арены легла тень. От его груди прокатилось рычание, от которого задрожали кубки на трибунах.

«Руки прочь».

— Ваша светлость, — произнёс Кайрен, не глядя на канцлера, — отведите людей. Я отвечаю за дракона.

— Вы отвечаете и за безопасность императора.

— Именно поэтому не советую проверять терпение Архариона.

Эвелин посмотрела на человека, который только что спас её от ареста, и почти ощутила благодарность. До тех пор, пока он не повернулся к ней.

— А вы пойдёте со мной добровольно. Или я велю вас отнести.

— Я предпочла бы третий вариант.

— Какой?

— Чтобы сегодняшний день никогда не случался.

«Увы», — откликнулся дракон. «Сегодняшний день был назначен очень давно».

• • •

Позднее, когда дворцовые писцы начнут собирать показания о Церемонии выбора, никто не вспомнит, что Эвелин первым делом попросила воды. Не вина, не успокоительного, не встречи с императором. Просто воды. Горло пересохло так, будто через него пролетел весь драконий огонь.

В тот вечер её ещё не заперли в кабинете. Солдаты провели девушку через длинную галерею с витражами и велели ждать возле фонтана. Сверху смотрели каменные портреты прежних всадников: воители с копьями, поверженные чудовища, крылатые тени, похожие на украшение человеческой славы. На одной стене дракон был изображён слишком маленьким, словно его уменьшили нарочно, чтобы всадник казался величественнее.

— Ты не такой, — сказала Эвелин, обращаясь к тёмному двору за окном.

«Какой?» — отозвался Архарион.

— Маленький и послушный.

«Среди моих недостатков эти два действительно отсутствуют».

Она села на край фонтана и впервые позволила себе внимательно присмотреться к золотой метке. Узор не был обожжённой кожей: линии уходили под неё, будто кто-то нарисовал свет внутри вен. Внизу оставался небольшой разрыв, незамкнутый круг. Эвелин осторожно прижала его пальцем.

— Больно?

«Тебе — немного. Мне — давно уже нет. Я ждал, пока ты сможешь услышать вопрос».

— Ты ведь мог выбрать кого-нибудь знатного. Девушку, которая мечтала о тебе с детства. Всадника, умеющего обращаться с оружием. У меня дома половина крыши протекает, а Тэсса постоянно грозится выбросить мои старые сапоги.

«Для чего мне ещё один человек, который мечтает властвовать над небом? С небом и так слишком много желающих спорить».

— И всё же. Зачем я тебе?

Голос дракона стал тише.

«Ты задала мне тот же вопрос, что когда-то задала твоя мать. Я не могу ответить вместо тебя. Но я могу остаться, пока ты ищешь».

От этих слов Эвелин захотелось заплакать. Мать она помнила запахом хлеба, тёплыми ладонями и голосом над детской кроватью. Иногда воспоминания путались: неужели у Миры действительно был шрам над бровью или Эвелин добавила его позднее, чтобы лицо не стиралось? А теперь древний дракон говорил о ней как о вчерашней знакомой.

— Ты любил её? — неожиданно спросила она.

«У людей очень много значений для одного слова. Я доверял ей. Она не пыталась заставить меня. Для драконов это не меньшая редкость, чем любовь».

Эвелин провела рукой по холодной воде. Ей хотелось задать тысячу вопросов, но дверь галереи открылась. К ней подошёл молодой солдат. Его лицо было добрым и испуганным.

— Госпожа Рейн, вас ждёт маршал.

— Он всегда говорит таким голосом, будто мир вот-вот провалится в яму?

Солдат невольно улыбнулся.

— Только когда очень волнуется.

Эвелин не поверила ему. Позднее ей придётся вспомнить эти слова.

На ходу она оглянулась. В тёмном дворе блеснул золотой глаз Архариона. Он не приближался, не требовал и не звал. Просто оставался на месте — как обещал.

Глава 3. Два имени на одной чешуе

Для допроса Эвелин отвели не в темницу, а в кабинет с высокими окнами, тяжёлыми шторами и столом, поверхность которого была отполирована до зеркального блеска. Тем не менее дверь за ней закрыли на ключ.

Кайрен стоял у окна. Без плаща и парадной перевязи он казался моложе, чем на арене, но только до тех пор, пока не начинал говорить.

— Назовите вашу мать.

— Очень необычное начало знакомства.

— Имя.

— Мира Рейн. Умерла двенадцать лет назад.

На лице маршала не отразилось ничего. Но пальцы, лежавшие на спинке кресла, сжались.

— Отца?

— Не знала.

— Магическое образование?

— Два года у госпожи Тэссы. Я умею лечить обмороженные корни, отличать целебные грибы от ядовитых и выращивать траву там, где ничего не растёт. Это всё.

— Последнее утверждение требует проверки.

— Проверьте. Только, прошу, не поручайте это людям, которые считают, что трава растёт по военному уставу.

Кайрен выдвинул кресло.

— Сядьте.

— Можно сначала увидеть вашу лицензию на владение людьми?

— Мисс Рейн.

Она всё-таки села. Страх добрался до неё позже гнева. За дверью ходили солдаты. На руке горела метка, а в голове время от времени звучало довольное ворчание дракона.

— В чём дело? — спросила она тише. — Вы действительно считаете, что я сделала это нарочно?

Кайрен некоторое время молчал.

— Никогда прежде дракон не выбирал второго всадника, не разорвав первую связь. А Архарион не принадлежит к молодым драконам, которые могут ошибиться.

— Он не ваш? — вырвалось у неё.

— Мы связаны двенадцать лет. Не путайте связь с собственностью.

Эвелин удивлённо посмотрела на него. Такое различие она от человека в форме не ожидала.

— Тогда почему вы так злитесь?

— Потому что любое исключение в драконьей магии становится оружием. И канцлер уже ищет способ направить его в чью-нибудь грудь.

В дверь постучали. Молодой лекарь внёс миску с тёплой водой и мазь.

— Для ожога, господин маршал.

— Это не ожог, — сказал Кайрен, увидев её запястье. — Но осмотрите.

Лекарь осторожно коснулся знака. Эвелин ощутила прохладу. Золотой рисунок не исчез.

— Метка живая, — прошептал он. — Я такого не видел.

Издалека прокатился глухой удар. Затем ещё один.

— Что это? — спросила Эвелин.

Кайрен подошёл к окну. Во дворе Архарион медленно стучал хвостом по каменной плите, разбивая её на куски.

«Сколько ещё вы намерены разговаривать без меня?» — осведомился он.

Эвелин не удержалась и рассмеялась. Смех прозвучал неловко, слишком громко. После арены он был первым знаком, что она ещё способна дышать.

— Ваш дракон жалуется, что его не позвали.

Кайрен резко повернулся.

— Вы его слышите?

— А вы нет?

На мгновение в кабинете повисло нечто большее, чем взаимная неприязнь.

— Я слышу его, — произнёс маршал, — но не сейчас. Он закрыл от меня сознание.

«Я воспитываю терпение», — объяснил Архарион. «Пока неудачно».

Кайрен подошёл к столу и протянул руку.

— Если вы действительно слышите его, скажите, что он сказал сейчас.

Эвелин посмотрела на его ладонь. Шрамы на костяшках были белыми и неровными. Она не коснулась её.

— Что у вас с терпением плохо.

Впервые она увидела его неподдельное удивление.

— Это не доказательство. Он говорил мне такое тысячу раз.

— Тогда спросите то, чего не знает никто.

Кайрен почти улыбнулся, но передумал.

— Как он называл меня, когда я впервые попытался сесть ему на спину?

Эвелин закрыла глаза. На границе слуха прошелестел огонь.

«Маленький ходячий приказ».

— Маленький ходячий приказ, — повторила она.

Кайрен медленно опустился в кресло напротив.

— Прекрасно, — сказал он без всякого выражения. — Теперь у меня две неуправляемые катастрофы вместо одной.

• • •

После допроса к Кайрену пришёл канцлер. Эвелин не видела их разговора, но слышала из соседней комнаты достаточно, чтобы понять: её будущее снова обсуждают без неё.

— Император проявляет терпение, — говорил Ропр. — Я же предлагаю разумный выход. Изолируйте девушку, изучите метку, и пусть дракон вернётся к службе.

— Вы уже видели его ответ на попытку изолировать её.

— Архарион привык к вашему влиянию, маршал. Если вы потребуете...

— Я не могу требовать того, чего он не хочет.

— Очень удобно. Особенно для человека, чья легенда строится на послушании драконов.

Кайрен долго молчал. Эвелин представила, как канцлер рассматривает его серебряную метку — знак, который всем казался военным преимуществом, а самому маршалу, возможно, напоминал о другом.

— Не пытайтесь прикоснуться к девушке без моего разрешения, — сказал он наконец.

— Вашего разрешения?

— И её согласия, — поправился Кайрен после короткой паузы.

В его голосе прозвучало что-то незнакомое, будто собственное уточнение застало его врасплох.

Ночью Эвелин сидела у окна кабинета, пока в городе гасли фонари. Она вспоминала, как в детстве Тэсса учила её определять по листьям, хватит ли растению света. «Не нужно тянуть росток вверх силой, — говорила наставница. — Он не станет от этого выше. Только сломаешь». Эвелин тогда спорила: если знать, куда растению лучше, почему не помочь ему быстрее? Тэсса давала ей маленький горшок и велела попробовать. Росток, разумеется, ломался.

Теперь она думала о том, сколько людей способны сломать друг друга, уверяя, что спасают.

За окном стукнули когти. Архарион заглянул в высокое окно через каменный двор и показал язык — длинный, раздвоенный, совершенно недостойный древнейшего дракона. Эвелин не удержалась от смеха.

«Не будь печальной. Мы ещё не умерли».

— Утешитель из тебя неважный.

«Я тренируюсь. Кайрен тоже. Нас обоих ждёт долгая работа».

Глава 4. Дракон объявляет забастовку

Наутро Кайрен объявил, что они покидают столицу.

Ночью канцлер потребовал изолировать Эвелин в закрытом крыле дворца. На рассвете император утвердил приказ направить её и Архариона в северную крепость под наблюдение армии. Кайрен добился права сопровождать их лично. Это было меньше свободы, чем хотелось Эвелин, но больше, чем предлагал Ропр.

— Мне нужно увидеть госпожу Тэссу, — сказала она, когда солдат принёс дорожный плащ.

— Увидите в безопасном месте, — ответил маршал.

— Вы произносите «безопасном» так, будто я должна догадаться, где оно находится.

— Пока не догадался и я.

Это был первый его ответ, который ей понравился.

Во дворе стояли шесть всадников, два вьючных мула и Архарион. Дракон лениво грел крылья в полосе солнца и выглядел так, словно все приготовления происходили ради его развлечения.

Капитан Сайла Орден — коротко стриженная темноволосая женщина с загорелым лицом — протянула Эвелин кожаные перчатки.

— На высоте кожа трескается от ветра. Надевайте.

— На какой высоте?

— На той, до которой мы доберёмся.

Эвелин посмотрела на дракона. Потом на узкую лестницу, приставленную к его боку. Потом на землю, родную, надёжную и гораздо более привлекательную, чем когда-либо прежде.

— Я поеду верхом на муле.

— Архарион не сможет долго оставаться вдали от вас, — ответил Кайрен. — Проверять предельную дальность связи в дороге опасно.

— Мы вчера не были связаны и прекрасно существовали.

«Я существовал плохо», — произнёс дракон. «Очень скучал».

Эвелин погрозила ему пальцем. Кайрен решил не уточнять, за что.

Её усадили в двойное седло впереди маршала. Кожаные ремни плотно легли поперёк талии. За спиной находился мужчина, от которого пахло хвоей и сталью. Эвелин предпочла бы этого не замечать.

— Держитесь за переднюю скобу, — велел Кайрен.

— А если я отпущу?

— Не рекомендую.

— Вы могли бы научиться утешать людей.

— Вы могли бы научиться выполнять инструкции.

Архарион приподнялся на задних лапах, развернул крылья и... сел обратно.

Кайрен нахмурился.

— Взлетай.

Дракон почесал бок о каменную стену.

— Архарион.

«Вы оба мне неприятны в таком настроении».

Эвелин передала слово в слово. Маршал не ответил.

— Значит, если мы не будем спорить, он полетит? — спросила она.

— Не собираюсь вести переговоры с драконом через вас.

«Тогда можете остаться здесь до весны».

Пять минут Кайрен молча пытался убедить Архариона через свою метку. Пять минут дракон демонстративно наблюдал за голубями. Наконец маршал соскользнул с седла и остановился напротив золотого глаза.

— Чего ты хочешь?

Архарион приблизил морду к Эвелин.

«Чтобы он спросил тебя».

— Меня? — переспросила она.

— Что спросил? — насторожился Кайрен.

— Хочу ли я лететь. Оказывается, это вопрос, который существует.

Маршал выпрямился. По двору прокатился смешок одного из солдат — и тут же оборвался.

Кайрен поднял лицо.

— Эвелин Рейн, вы согласны отправиться со мной на Архарионе в северную крепость? Это быстрее конного пути и позволит уйти от дворцовой охраны. Я обеспечу вам безопасность настолько, насколько смогу.

Девушка посмотрела в сторону высоких ворот, где уже стояли стражники канцлера. В сторону дороги, ведущей к Тэссе. И вверх, туда, где по бледному небу не спеша плыли облака.

— Я согласна на полёт. Но не на то, чтобы меня считали пленницей.

Кайрен задержал взгляд на её лице.

— Принято.

Архарион поднялся.

«Вот видите. Не так уж сложно».

Они взлетели почти без разбега. Воздух ударил Эвелин в лицо, земля исчезла из-под ног, и она вскрикнула так громко, что Сайла потом вспоминала это ещё много месяцев.

Кайрен обхватил девушку рукой поверх ремней, удерживая от рывка.

— Дышите. Смотрите на горизонт, не вниз.

— Я смотрю на вашу руку, и это не помогает!

— На горизонт, Рейн.

Она послушалась. За зубцами крепости разливалось синее утро. Река делала серебряный изгиб, крыши казались россыпью монет. Страх не исчез, но рядом с ним возникло что-то новое — изумление.

Впервые за последние сутки Эвелин не думала о том, что с ней сделали. Она думала о том, сколько неба помещается над одним человеком.

• • •

На следующем привале начались учебные полёты. К каждому из них Эвелин готовили как к военной операции: Сайла проверяла ремни, Алрик измерял пульс, Кайрен показывал положение рук и ног. На третий круг Эвелин заявила, что если кто-нибудь ещё раз попросит её не нервничать, она непременно начнёт.

— Что с вами не так? — спросил Кайрен, когда она, спустившись с седла, вцепилась в ближайшую сосну.

— Серьёзно? Вы хотите полный список?

Капитан Орден кашлянула в кулак. Алрик поспешно отвернулся к сумке с бинтами.

Кайрен посмотрел на упирающуюся в ствол девушку и впервые не приказал ей выпрямиться. Он подошёл ближе, убедился, что она не собирается падать, и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— У тебя кружится голова?

— Сейчас меньше. Земля всё ещё двигается, хотя должна быть неподвижной.

— После первого полёта такое случается. Кайрен на миг нахмурился, будто лишь сейчас осознал, что обратился к ней на «ты».

— У вас тоже?

— Я упал с лестницы, когда впервые увидел, сколько ступеней ведут к Архариону.

Эвелин повернулась.

— Это неправда.

— Чистая правда. У меня до сих пор шрам на колене.

— Вы хотите доказать?

— Предпочёл бы сохранить остатки достоинства.

Она рассмеялась и отпустила дерево. Кайрен больше ничего не сказал о страхе, словно признал: смех был лучшим лекарством, которое он мог предложить.

Вечером Сайла посадила Эвелин возле огня и показала, как читать ветровые знаки на карте. Синяя линия означала холодный поток между горами, красная — опасные восходящие вихри, чёрная — зону, над которой драконы иногда теряли чувство направления.

— Маршал выглядит так, будто знает любой ветер заранее, — заметила Эвелин.

— Нет. Он просто очень много раз ошибался, — ответила Сайла. — Разница в том, что он никогда не скрывал ошибки от нас, солдат. От себя — другое дело.

— Вы служите вместе давно?

— Семь лет. Я видела, как он хоронил тех, кого не сумел вывести из боя. После каждого такого дня он становился на одно правило строже. Будто достаточно составить новые инструкции, и никто больше не погибнет.

Эвелин обняла колени.

— Не слишком ли удобно объяснять жестокость старой болью?

— Боль ничего не оправдывает, — ответила Сайла. — Но иногда объясняет, откуда взялась привычка. А дальше человек либо меняет её, либо прячется за ней всю жизнь.

Позднее Эвелин вышла к Архариону. Дракон лежал у края лагеря, подставив чешую звёздам.

— Ты когда-нибудь боялся? — спросила она.

«Я боюсь каждый раз, когда человек уверяет меня, что точно знает, как надо спасти мир».

— А высоты?

«Только в юности. Тогда у меня были слишком большие крылья и слишком мало терпения».

Он приподнял одно крыло, впуская её под него, словно под тёплый навес. Эвелин села рядом. Она ещё не доверяла ни новой судьбе, ни маршалу. Но в эту ночь она впервые поверила, что может научиться не только летать, но и падать без уверенности, будто падение обязательно станет концом.

Глава 5. Учебник по падению

К полудню Эвелин выяснила три вещи. На драконьей спине холоднее, чем в зимнем погребе. Кайрен раздражающе хорошо сохраняет равновесие. А когда Архарион чихает, полёт превращается в весьма убедительную репетицию смерти.

Они приземлились у заброшенной сторожевой башни. Отряд капитана Орден следовал по дороге внизу: для первого участка путешествия маршал предпочёл не разлучаться с людьми. Сайла развела костёр, лекарь Алрик осмотрел метку Эвелин, а Кайрен решил, что настало время занятий.

— Вам необходимо научиться держаться без моей помощи.

— А мне необходимо научиться жить без приказов. Предлагаю начать с малого.

Он протянул ей второй страховочный ремень.

— Прикрепите карабин к кольцу седла.

Она прикрепила. Кайрен проверил и остался недоволен.

— Не так. При падении узел затянется.

— Тогда объясните, а не смотрите с видом человека, которому испортили войну.

Он перехватил ремень, медленно провёл его под скобой и вложил конец ей в ладонь.

— Теперь вы.

Во второй раз получилось. В третий она сделала всё сама. Кайрен коротко кивнул, и Эвелин неожиданно поняла, что ждала этого кивка больше, чем хотела бы признать.

Пока остальные обедали, она нашла у башни слабые побеги серебряного полынника. Трава почти погибла под камнями. Эвелин присела, раздвинула почву пальцами и шепнула привычное детское пожелание: «Тянись, пока можешь».

Побеги выпрямились. Бледный свет прошёл по жилкам, и между листьями раскрылся цветок, которому до цветения оставалось ещё три недели.

— Интересно, — сказал голос за её спиной.

Она обернулась. Кайрен стоял у стены, держа в руках чашку.

— Что?

— Вы говорили, что не владеете магией.

— И не владею. Тэсса называет это хорошими руками.

Он опустился на корточки рядом и коснулся стебля. Цветок задрожал и вновь вытянулся к солнцу.

— Хорошие руки не меняют время роста растения, — тихо сказал Кайрен.

— Значит, мне повезло с землёй.

«Думаю, земля тоже так считает», — вмешался Архарион.

Эвелин перевела взгляд на дракона. Тот притворялся спящим, но одно золотое веко было чуть приоткрыто.

— Вы обо всём знаете заранее? — спросила она.

«О многом. Но знание и право распорядиться чужой жизнью — не одно и то же».

Позднее, когда солнце опустилось к западным холмам, Кайрен посадил её в седло одну. На этот раз Архарион поднялся всего на несколько человеческих ростов и плавно проскользил над поляной. Эвелин удержалась без единого крика. Второй круг вышел чуть выше.

— Я справилась, — выдохнула она, спрыгивая на землю.

Кайрен стоял близко, готовый подхватить её, если ноги подведут.

— Справились, — подтвердил он.

Она вскинула голову. Серебристые глаза впервые смотрели на неё без привычной настороженности.

— Вы могли бы сказать, что я молодец.

— Вы молодец, Рейн.

Эвелин рассмеялась от неожиданности, и он, кажется, тоже едва заметно улыбнулся.

В этот миг она заметила, как Кайрен прижал ладонь к левой ключице. Серебряная метка на внутренней стороне его предплечья вспыхнула под рукавом. Боль исказила лицо маршала, но исчезла прежде, чем Эвелин успела спросить.

• • •

Первый самостоятельный полёт Эвелин состоялся не над лагерной поляной, а над белой рекой, которая вытекала из северных ледников. Кайрен настоял, чтобы Архарион держался низко: над водой ветер был ровнее, а у берегов лежали широкие песчаные отмели для посадки.

Эвелин села в переднюю часть седла. Кайрен остался на земле, поднял руку и напомнил только одно:

— Если станет страшно, попроси Архариона снизиться. Ты можешь остановить тренировку в любой момент.

Дракон развернул крылья. Эвелин ожидала привычного рывка, но он поднялся так мягко, словно земля сама отпустила его. Под ними текла светлая вода, над которой кружили чайки. На отмели стоял лось и совершенно равнодушно смотрел на древнее чудовище размером с крепостную башню.

«Вот существо с достойной самооценкой», — заметил Архарион.

— А я думала, ты любишь, когда тебя боятся.

«Меня бояться просто. Куда интереснее быть рядом без страха».

Она подняла голову. Впереди светилась линия горизонта. На миг ей захотелось отпустить переднюю скобу и раскрыть руки, но она вовремя вспомнила крепления. Свобода, решила Эвелин, вовсе не означает необходимость делать глупости.

После посадки Кайрен ждал на берегу. Он протянул ей руку, однако она спрыгнула сама. Несколько шагов ноги были ватными, затем она выпрямилась.

— Я не кричала, — объявила Эвелин.

— Слышал.

— И не пыталась сбежать.

— Заметил.

— Вы совершенно не умеете радоваться чужим победам.

Тогда Кайрен, не говоря ни слова, поднял её ладонь и коротко поклонился, как кланяются победителю на рыцарском турнире.

Эвелин покраснела и рассмеялась, а он посмотрел на неё с таким удивлением, словно сам не ожидал от себя подобного жеста.

• • •

• • •

На второй вечер после первого полёта Эвелин обнаружила, что у неё болят мышцы, о существовании которых она прежде не подозревала. Она едва доползла до костра, завернулась

в плащ и решила, что драконьи всадники либо лгут о радости полётов, либо все до одного не чувствуют собственных ног.

Кайрен поставил рядом кружку тёплого настоя.

— Это не лекарство, — предупредил он. — Просто вода с мятой. Алрик говорит, после нагрузки полезно пить.

— А вы так заботливо следуете рекомендациям врача?

— Обычно спорю. Но в данном случае испытал средство на себе.

Эвелин посмотрела на его ладони. Они были крупными, с белыми рубцами на костяшках, однако кружку он держал аккуратно, не пролив ни капли.

— Вы всегда так уверенно выглядите в седле. Неужели в первый день тоже боялись?

Он сел на другое бревно, оставив между ними достаточно места.

— В первый день меня вырвало прямо на парадную перевязь старшего наставника. Он не разговаривал со мной неделю.

Эвелин от неожиданности рассмеялась. Кайрен посмотрел на неё с видом человека, который только что открыл государственную тайну и не вполне уверен, что это было разумно.

— Не рассказывайте Сайле.

— Я не могу дать такого обещания.

— Подозревал.

Она укуталась плотнее. Ночью было холодно, но впервые с начала дороги ей не хотелось прятаться от чужих взглядов. Кайрен сидел рядом, не исправлял её ошибочную посадку и не рассказывал, какой долг на неё возложен.

— А если я никогда не научусь летать без страха? — спросила она.

— Тогда будешь летать со страхом, — ответил он. — Необязательно перестать бояться, чтобы научиться жить.

Эвелин запомнила ответ. Позже, когда между ними случится гораздо больше бед, именно его она будет вспоминать, ступая на качающийся мост над бездной.

Ночью Эвелин долго не могла заснуть. Её золотой знак согревал запястье, а внизу, у костра, маршал негромко разговаривал с Сайлой. До неё донеслись слова «дворцовая охрана» и «не доверяй указу».

Потом всё стихло.

И только Архарион, лежавший на краю поляны, сказал так тихо, что слова казались продолжением сна:

«У нас мало времени, маленькая королева. Но ты должна выбрать сама».

Глава 6. Письмо мёртвой женщины

Утром они нашли письмо.

Его доставила Тэсса с торговым караваном, который догнал отряд у переправы через Зеленцу. Наставница стояла у повозки, сердито постукивая тростью по колесу, и выглядела так, будто готова дать по голове сперва маршалу, потом императору, а напоследок — всем драконам без разбора.

— Эви, — сказала она и раскрыла объятия.

Эвелин прижалась к знакомому запаху сухой лаванды и шерстяной шали. Только теперь, в безопасности этих рук, она осознала, насколько ей страшно.

— Я пыталась вернуться, — прошептала она.

— Знаю, деточка. В городе говорят, будто ты зачаровала древнего дракона. Не верь никому, кто так плохо разбирается в людях и драконах одновременно.

Кайрен подошёл ближе. Тэсса окинула его суровым взглядом.

— Вы обязаны доставить её домой живой.

— Сделаю всё возможное.

— Не люблю расплывчатых обещаний.

— И я, госпожа Тэсса.

Она словно против воли одобрила ответ. Из внутреннего кармана она достала узкий кожаный футляр.

— Мира велела отдать это Эвелин, когда старое небо вспомнит её имя. Я думала, она говорила загадками, как всегда. Но после вчерашнего...

Футляр был перетянут выцветшей зелёной лентой. Эвелин помнила эту ленту: мать завязывала ею волосы перед работой. Девушка открыла замок дрожащими пальцами. Внутри лежали письмо и крохотная серебряная чешуйка с отверстием у края.

«Моя Эви. Если ты читаешь это, значит, я не сумела прожить достаточно долго, чтобы рассказать тебе правду сама. Прости меня за молчание. Ты не чудо и не оружие. Ты человек, которому досталась старая обязанность: слышать тех, кого заставили молчать. Никто не вправе потребовать от тебя этой обязанности. Даже я. Чешуйка откроет дверь в Астелисе, если Архарион ещё жив. Не бойся его. Бойся тех, кто назовёт тебя необходимой».

Ни подписи, ни даты. Только внизу было нарисовано маленькое крыло, незамкнутое в основании, — точно такое же, как на запястье Эвелин.

Она перечитала письмо. Строки расплывались.

— Она знала, — сказала девушка. — Знала, что это случится. И никогда ничего не объясняла.

Тэсса положила ладонь ей на плечо.

— Она хотела дать тебе обычную жизнь. Иногда люди ошибаются даже из любви.

Кайрен взял чешуйку, но лишь после того, как Эвелин разрешила. На его лице промелькнуло узнавание.

— Астелис, — произнёс он. — Старое драконье святилище у северного хребта. В военных картах его больше нет.

— Тогда туда и поедем, — сказала Эвелин.

— Это не место для неподготовленного человека.

— Как и арена. Однако я продолжаю вас удивлять.

Тэсса усмехнулась, но быстро посерьёзнела.

— Эви, здесь опасно. Ночью люди канцлера обыскали нашу комнату. Они спрашивали о Мире, о её старых знакомых, о твоём детстве. Я сказала, что ты плохо стирала носки и в девять лет пыталась вырастить яблоню в суповой кастрюле. Остального не знают.

Эвелин подняла голову.

— Значит, они не просто ищут вторую всадницу. Они ищут дочь моей матери.

Маршал ничего не ответил.

— Вы знаете, кто она была? — спросила Эвелин.

Кайрен встретил её взгляд.

— Полагаю, да.

— И собирались сообщить мне когда?

Он перевёл глаза на письмо.

— Когда буду уверен.

— Уверены в чём? Что мне можно доверять собственную жизнь?

Тэсса вздохнула.

— Маршал, если хотите, чтобы эта девочка поверила вам, начните с того, что перестаньте решать за неё.

Кайрен поджал губы. Далеко за переправой Архарион приподнял голову.

«Умная женщина», — заметил он. «Её стоило бы сделать императором».

Эвелин не улыбнулась. Она сложила письмо и убрала его у сердца.

Теперь она боялась не полёта. Её пугала мысль, что вся её жизнь могла оказаться историей, которую от неё старательно прятали.

• • •

В ту ночь Эвелин не смогла уснуть. Она перечитывала письмо Миры в свете походной лампы и ловила себя на странной мысли: мать написала его для будущей дочери, которой не успела стать свидетельницей. Для женщины, которую не знала. Любила — но не знала.

На обороте бумаги проступили едва заметные линии. Эвелин решила сперва, что это следы воды, но когда поднесла письмо к лампе, увидела схему из пяти точек, соединённых тонкими дугами. В середине был маленький дом с открытой дверью. Под ним — несколько слов, написанных детским почерком, её собственным: «Пусть каждому хватит места».

Она вспомнила. Однажды в восемь лет нарисовала такой дом на кухонном столе. Хотела, чтобы туда приходили все потерявшиеся животные, а мать рассмеялась и сказала: «Тогда тебе понадобится очень большая крыша». Девочка ответила, что крыша может быть больше дома, если очень попросить.

Мира сохранила рисунок.

Эвелин аккуратно разгладила бумагу. Военные карты, драконьи секреты, королевская метка — всё внезапно отступило перед нелепым детским домиком.

— Ты плачешь, — сказал Кайрен из-за полога палатки.

— Вы теперь тоже умеете читать мысли?

— Нет. Алрик попросил передать лекарство для ожога. Я услышал, что ты не спишь.

Она не стала приглашать его войти сразу. Сначала сложила письмо, провела ладонью по лицу, потом ответила:

— Проходите.

Маршал сел на низкий походный ящик, оставив между ними достаточно места. Он положил на стол маленькую баночку и не пытался заглянуть в бумагу.

— В детстве я считала, что мать погибла из-за печи, — сказала Эвелин, не поднимая глаз. — Я долго винила себя: в тот вечер просила испечь пирог, и она развела огонь. Потом Тэсса сказала, что это было не так. Но чувство осталось.

Кайрен молчал.

— И теперь выясняется, что мама всё знала. Что мы были частью какой-то страшной истории, которой никто со мной не поделился. Я злюсь на неё за это. И чувствую себя ужасным человеком, потому что злюсь на мёртвую мать.

— Ты имеешь право злиться, — ответил он. — Любовь не отменяет вопросов. И смерть не делает решения человека безошибочными.

Эвелин посмотрела на него. Она ожидала привычного приказа успокоиться, а услышала то, что сама себе никак не разрешала.

— А вы на кого злитесь? — спросила она.

— На себя чаще, чем полезно. Иногда на человека, которым был в двадцать. Хотя он уже не может ничего исправить.

— Зато вы можете, — тихо произнесла она.

Кайрен посмотрел на её запястье с меткой.

— Только если перестану думать, что исправление — это всегда ещё один приказ.

Он поднялся. Эвелин не попросила остаться. Но после его ухода поняла, что ей за эти дни стало легче не из-за решения тайны, а потому что кто-то позволил ей не иметь ответов.

Глава 7. Колодец на старой дороге

Они расстались с Тэссой к полудню. Она возвращалась в Вязовый Брод под защитой торгового каравана, а Эвелин продолжила путь с Кайреном. Вечером им предстояло встретиться с Сайлой и остальными у старой охотничьей дороги. Чтобы не вести преследователей к каравану, Архарион нёс только двоих.

Они приземлились у колодца без ведра. Вокруг росли молодые сосны, за которыми угадывалась заброшенная часовня. Эвелин размяла затёкшие ноги, а Кайрен прошёл по периметру поляны, прислушиваясь к лесу.

— У вас всегда такое лицо, будто вы ждёте нападения? — спросила она.

— Только когда нападают.

— Значит, сейчас всё в порядке?

— Нет.

Первая стрела ударила в колодец рядом с её бедром.

Кайрен толкнул девушку за каменный бортик и выхватил клинок. Между соснами метнулись тени. Не солдаты в императорских плащах — люди в тёмных масках, вооружённые арбалетами с костяными болтами.

— Не показывай руку! — приказал маршал.

Они пришли за меткой, поняла Эвелин. Костяные болты были обмотаны тонкой серебряной проволокой. От них исходило тошнотворное ощущение, будто кто-то тянет её за запястье изнутри.

Архарион вскинулся, но один из нападавших ударил по земле металлическим жезлом. Вокруг дракона вспыхнула сеть белых линий. Он взревел и упал на колени.

«Узел», — прорычал он в сознании Эвелин. «Чужая команда. Не подходи».

Кайрен сбил двух людей прежде, чем они успели перезарядить арбалеты. Третий ударил его в плечо, и маршал отшатнулся. Серебряный знак на его предплечье вспыхнул болезненно-ярко.

Эвелин увидела, как один из нападавших приближается к дракону с цепью. Архарион больше не мог шевельнуть крылом. В его золотом глазу стояло унижение, настолько человеческое, что девушка перестала бояться.

Она опустила ладонь на землю.

— Отпусти его, — сказала она, не понимая, к кому обращается.

Песок под пальцами дрогнул. Корни сосен, прятавшиеся под дорогой, вдруг проросли сквозь камни. Они обвили железный жезл и разорвали сеть на сотни светящихся искр. Из колодца поднялась вода, закрутилась прозрачной спиралью и сбила человека с цепью.

Эвелин ощутила боль, словно сама стала деревом, которое вырывают из земли. Она вскрикнула. Мир потемнел по краям.

Архарион расправил крылья.

Не огонь обрушился на нападавших — порыв ветра, мощный и точный, смёл их с поляны, не задев девушку. Кайрен выбил последний арбалет и поставил клинок к горлу командира.

— Кто отдал приказ?

Человек за маской усмехнулся. У него на языке вспыхнул чёрный знак. Он захрипел и осел. Кайрен отдёрнул руку: яд, спрятанный в зубе, убил пленного раньше, чем тот успел заговорить.

Эвелин сидела у колодца и не чувствовала пальцев. Земля вокруг неё покрылась живой зеленью. Между камнями расцвели ирисы — точь-в-точь такие, какие она расставляла на арене.

— Я не хотела, — выговорила она.

Кайрен опустился перед ней на колени.

— Посмотрите на меня.

— Я не знала, что могу...

— Эвелин. На меня.

Она подняла глаза. Серебристый взгляд был твёрдым, но в нём не было осуждения.

— Вы спасли нас. Вы не обязаны извиняться за это.

Он осторожно взял её за запястье. Метка горела, однако под его пальцами боль ослабла. Архарион приблизил голову, и Эвелин прижалась лбом к холодной чешуе.

«Ты не произнесла приказа», — сказал дракон. «Ты попросила. И земля ответила».

Вдали послышались копыта. Сайла нашла их раньше наступления темноты. Увидев разорённую поляну, капитан застыла, потом коротко выругалась и приказала выставить караул.

Кайрен снял с плеча обломок костяного болта. На его кончике был вырезан знак канцелярии Ропра: закрытый круг, перечёркнутый вертикальной чертой.

— Теперь мы знаем, — сказал он, — что канцлер не собирается ждать решения императора.

Эвелин посмотрела на цветы, пробившиеся сквозь камни.

— А я наконец знаю, что простыми руками это не объяснить.

• • •

Поляну у колодца осматривали до сумерек. На земле остались обломки костяных болтов и чёрные пятна от разорванной сети. Сайла приказала собрать всё, что могло послужить уликой. Эйден ещё не присоединился к отряду, и людей для поиска не хватало; Эвелин сама помогала вынимать стрелы из коры, пока Алрик не заметил, что у неё дрожат руки.

— Дайте себе время, — сказал лекарь.

— На что?

— Понять, что вы выжили. Люди часто опаздывают с этой мыслью.

Она села на поваленное дерево и разглядела порез на ладони. Откуда он взялся, Эвелин не помнила. В какой-то момент нападения мир превратился в ряд отдельных ощущений: шум железа, золотой глаз дракона, голос Кайрена, приказ не показывать запястье. Только теперь всё соединялось в историю, от которой становилось страшно.

Кайрен сел рядом. Он держал в руках чёрную пластину, снятую с жезла.

— Такой механизм использовали при подавлении бунта в Северном порту, — произнёс он. — Я подписал отчёт о той операции, не понимая, что именно делают с драконами.

— Вы не всё знали.

— Я считал, что достаточно знать цель. Считал себя практичным человеком.

Эвелин смотрела, как солнце проходит между соснами.

— Сегодня я тоже испугалась собственной силы, — сказала она. — Но если буду делать вид, что ничего не произошло, завтра повторю ту же ошибку. Может быть, это и есть самое трудное: не прятаться от того, что уже увидел.

Кайрен кивнул и бережно спрятал пластину в кожаный чехол.

— Тогда будем разбираться вместе.

Глава 8. Ночь без приказов

Кайрен утверждал, что рана неглубокая. Алрик выразил иное мнение, когда увидел, сколько крови успело пропитать тёмный рукав.

— Болт задел мышцу. Не смертельно, если позволите мне работать.

— Работайте.

— Снимите рубашку.

— Это приказ?

— Мечта всей моей карьеры, господин маршал.

Эвелин едва не рассмеялась. Кайрен бросил на лекаря суровый взгляд, но всё-таки расстегнул мундир. На его левом плече багровела свежая борозда. Под ключицей тянулся старый шрам, узкий и белый, как молния на ночном небе. Он явно был глубже обычной раны.

Алрик извлёк осколок и ушёл за чистой водой. Эвелин осталась держать миску с мазью. Маршал собирался возразить, но она предупредила:

— Если сейчас велите мне уйти, я подсыплю в ваш чай сушёную полынь. Не отравитесь, но будете горько жалеть о своей гордости.

— Вы всегда угрожаете людям лекарственными растениями?

— Только тем, кто этого заслуживает.

Она наносила мазь осторожно. Кожа под пальцами была горячей. Кайрен сидел неподвижно, но когда девушка коснулась края старого шрама, его дыхание изменилось.

— Простите. Больно?

— Это старая история.

— Старые истории тоже иногда болят.

Он посмотрел на неё внимательно, будто услышал нечто, к чему не был готов.

— Двенадцать лет назад, — сказал он после паузы, — я был молодым капитаном. Верил, что приказ всегда существует ради общего блага. Это удобно: не нужно думать, кому именно причиняешь зло.

Эвелин убрала руку.

— И что случилось?

— Один приказ оказался таким, который я не смог выполнить.

За шатром треснуло полено. Алрик окликнул Сайлу, прося принести бинты. Мир продолжал заниматься своими делами, пока между ними медленно открывалась дверь.

— Вы жалеете? — спросила Эвелин.

Кайрен посмотрел на свои ладони.

— О том, что не выполнил, — никогда. О том, что не сумел потом защитить, — каждый день.

Она хотела спросить имя человека, о котором он говорил. Но увидела, как напряглась его челюсть, и промолчала. Впервые это молчание не было уступкой его власти — только уважением к чужой боли.

Ночью дождь пришёл внезапно. Палатки зашуршали под тяжёлыми каплями, лошади забеспокоились. Эвелин лежала на походной кровати и разглядывала метку. Знак отзывался теплом на каждый звук грозы. За стенкой шатра кто-то остановился.

— Вы не спите? — спросил Кайрен.

— Если бы спала, это был бы очень невежливый сон.

Он приподнял полог. На нём был простой серый плащ без знаков отличия, а влажные чёрные волосы падали на лоб. В руках он держал свёрнутое шерстяное одеяло.

— Ночью похолодает.

— Военные синоптики вам донесли?

— Архарион.

Она приняла одеяло. Их пальцы на миг соприкоснулись.

— Спасибо, — сказала она.

Кайрен кивнул и собрался уйти.

— Маршал?

— Да.

— Вы могли бы называть меня Эвелин. Хотя бы когда не отдаёте приказы.

Он задержался в дверях.

— Спокойной ночи, Эвелин.

После его ухода она ещё долго сидела с одеялом на коленях. Ей казалось нелепым, что столько тревоги может принести одно произнесённое имя.

Архарион, лежавший неподалёку, мысленно вздохнул.

«Люди изобрели поэзию, войны и золотые короны. Но сказать друг другу правду по-прежнему не научились».

— Лучше бы ты спал, — пробормотала она.

«Так и запишем: мирные переговоры отложены из-за упрямства обеих сторон».

Эвелин натянула одеяло до подбородка и неожиданно улыбнулась в темноте.

• • •

Между старой дорогой и Сольвейном лежали земли, которые на дворцовых картах обозначали как «лесные владения». На самом деле там были деревни, где по утрам пекли хлеб и ругались из-за разбитых заборов, а над окнами сушили травы от кашля. Эвелин привыкла думать, что империя живёт в таких местах, а не на парадных площадях.

В одном селении они остановились пополнить воду. Колодец оказался пересохшим, женщины носили вёдра из ручья за два часа ходьбы, а местный староста просил отряд не задерживаться: солдаты обычно забирали больше припасов, чем платили.

— Мы заплатим, — сказала Сайла.

Староста посмотрел на её меч так, словно цену уже определили за него.

Эвелин присела возле колодца. На стенке рос тонкий мох, ещё живой. Она провела ладонью по камню и ощутила глубокую, медленную воду где-то под землею. Ей захотелось вытянуть её наружу, как на старой дороге. Но она вспомнила, что после того чуда едва не потеряла сознание.

— Могу помочь без магии, — сказала она старосте. — У вас здесь известняковый слой. Если выкопать отводную канаву ниже по склону, вода перестанет уходить в верхний песок.

Мужчина выслушал внимательно. Кайрен приказал солдатам выделить два часа и помочь местным — не ради щедрости, а потому что отряд всё равно ждал погоды. Эвелин, однако, подозревала, что он нарочно выбрал самый тяжёлый участок работы.

К вечеру вокруг колодца появились свежие камни, отводная канава и деревянная крыша. Воды пока было мало, но староста смог набрать первое ведро. Когда он попытался поклониться маршалу, тот остановил его.

— Благодарите госпожу Рейн. Она увидела решение.

— А люди сделали, — поправила Эвелин.

Староста посмотрел на них обоих.

— Странная у вас армия.

— У нас, боюсь, временное недоразумение, — сказала девушка.

Во время ужина старостина внучка подошла к Эвелин с букетом полевых цветов. Девочка была лет семи, с веснушками и слишком большими для неё сапогами.

— Я слышала, у вас есть дракон. Он добрый?

Эвелин посмотрела на Архариона, который разместился за яблоневым садом, аккуратно сложив крылья, чтобы не задеть деревья.

— Он очень старается выглядеть страшным.

«И мне это прекрасно удаётся», — немедленно сообщил дракон.

— А можно его погладить?

Эвелин не ответила вместо него. Она подошла к Архариону с девочкой и спросила вслух. Дракон приоткрыл глаз, внимательно оглядел ребёнка и наклонил голову.

Девочка осторожно провела ладонью по серебряной прожилке на чешуе.

— Он тёплый, — прошептала она с удивлением.

Эвелин подумала о столичной арене, о клетках и железных кольцах. Как легко было узнать правду о драконе, если не начинать разговор с желания владеть им.

Когда отряд уходил, староста протянул Кайрену корзину пирогов. Маршал предложил деньги. Староста отказался.

— Эти — за то, что вы попросили, а не отобрали.

Кайрен взял корзину и некоторое время молчал. Эвелин видела: простая фраза задела его глубже, чем все военные донесения.

Глава 9. Мельница, которая ждала рассвета

На следующее утро корзина пирогов оказалась пустой ещё до того, как отряд покинул привал. Эвелин подозревала Архариона. Архарион уверял, что его достоинство не позволяет

красть человеческую выпечку, особенно такую маленькую. Кайрен указал на мучную пыль вокруг огромной чёрной ноздри дракона. Тот ответил долгим, оскорблённым молчанием.

Они направлялись к Сольвейну вдоль реки, по старой почтовой дороге. В низинах лежала белёсая дымка; колёса обозов оставляли на сырой земле глубокие борозды. Эвелин ехала в седле впереди Алрика и старалась не смотреть на перевязанное плечо Кайрена. Его рана казалась ей собственным обвинением: она слишком хорошо помнила, как он заслонил её во время нападения у колодца.

К полудню Сайла вернулась из разведки с новостью: ниже по течению затопило мост, а на высоком берегу кто-то подал три сигнальных огня. Это был военный код бедствия, которым больше не пользовались после южной кампании.

— Ловушка, — коротко сказал Кайрен.

— Или кто-то надеется, что вы решите именно так, — возразила Эвелин.

Он посмотрел на неё. Раньше такой взгляд означал бы конец разговора. Теперь маршал спросил:

— Что предлагаешь?

Эвелин неожиданно для себя ощутила благодарность за эти два слова.

— Проверить, прежде чем уходить. Если там люди, им нужна помощь. Если ловушка, узнаем о ней раньше, чем она доберётся до обозов.

Сайла оставила половину бойцов у дороги, а остальных повела к старой водяной мельнице. Солнце уже опускалось к верхушкам ольхи. Здание стояло перекошенное, с обвалившейся крышей; колесо застыло над чёрной водой. На камнях неподалёку лежала полоска синей ткани, повязанная узлом, каким обычно отмечают детские вещи.

— Здесь кто-то был, — прошептала Эвелин.

Из мельницы донёсся стук. Потом ещё один. Сайла подняла ладонь, останавливая солдат. Кайрен, несмотря на боль в руке, обнажил меч. Эвелин шагнула вперёд прежде, чем успела подумать, и услышала за стеной чей-то слабый голос:

— Если вы из гарнизона, скажите, что мы ушли.

Они нашли в нижнем помещении женщину с обожжёнными ладонями и двоих детей. Рядом лежали мешки с зерном, превращённые в импровизированную постель. Мальчику было лет девять; он держал деревянную игрушку в форме дракона и отчаянно старался не плакать. Его младшая сестра дышала тяжело и неровно.

Женщина назвалась Лианой. Она служила учётчицей на речном посту и бежала после того, как к пристани доставили железные кольца для молодых драконов. Она пыталась спрятать списки перевозок, но комендант узнал об этом. Под утро за ней пришли. Спрятав детей в телеге с мукой, Лиана успела уйти к мельнице; на переправе её ранили.

— Дочь простудилась в воде, — сказала она, не отрывая глаз от Алрика. — Я думала, если разожгу сигналы, меня найдёт кто-нибудь, кто помнит старый закон помощи.

Алрик осмотрел девочку. Жар был сильным, но он не нашёл признаков смертельной болезни. Потребовались сухая одежда, горячая вода и лекарство, которое нашлось в сумке Эвелин. Девочка попыталась отвернуться от горького настоя.

— Это не яд, — серьёзно заверила её Эвелин. — Яд, к сожалению, обычно пахнет приятнее.

Ребёнок слабо улыбнулся и всё-таки выпил.

Пока Алрик укладывал детей выше уровня воды, Лиана показала Кайрену кожаный футляр. Внутри находились копии накладных. Каждая страница была размечена особым знаком: чёрный круг с пересечённым крылом.

— Я видела его у колодца, — сказала Эвелин, чувствуя, как сжимается горло.

— Это знак ведомства канцлера, — ответил Кайрен. — Поставки идут в столицу, но часть груза оседает в Сольвейне.

Сайла развязала одну из верёвок на футляре. Между листами выпала тонкая серебристая пластина — такая же по цвету, как древние отметины на чешуе Архариона, только на металле была выбита последовательность чисел.

— Номера камер, — сказала Лиана. — Мне не разрешали входить в склад. Но однажды я услышала там плач. Думала, человека. А потом крыша задрожала, будто внутри кто-то расправлял крылья.

Маршал долго смотрел на цифры. Эвелин узнала выражение его лица: он складывал возможные потери прежде, чем позволял себе назвать цель.

— Уведём их с собой, — сказал он наконец. — Сайла, проверьте берег. Двое бойцов пусть подготовят носилки.

— А вы? — спросила капитан.

— Останусь здесь, пока не уйдут дети.

Тогда снаружи послышался свист. Не птицы — металлический, короткий, повторённый дважды. Кайрен мгновенно погасил фонарь.

Первый огненный болт прошил стену выше головы Лианы. Сухие доски занялись от одного прикосновения. Сайла приказала всем лечь, но огонь уже перебросился на лестницу. Река внизу поднялась после дождей и ударяла по опорам здания. Мельница, казалось, ждала только последнего толчка.

— Они решили сжечь записи, — сказал Кайрен.

— И нас вместе с ними! — выкрикнула Эвелин.

Она опустилась рядом с детьми. Мальчик держался за сестру, глядя на огонь широко раскрытыми глазами. Снаружи глухо рыкнул Архарион. Над берегом прошла тень его крыла, но узкая долина не позволяла дракону приземлиться, не обрушив мельницу на людей.

«Я могу снести её целиком», — сообщил он Эвелин. «Это решит вопрос с нападавшими, но вам способ не понравится».

— Подожди! — крикнула она.

Кайрен нашёл в полу люк к старому водосбросу. За ним уходил в темноту каменный канал — слишком тесный для взрослого человека в доспехах, но достаточно широкий для детей. Сайла первой спустилась в воду, проверяя проход.

— Течение сильное, — доложила она. — Внизу завал. Мне нужны верёвки.

Эвелин заметила на стене корни ползучей лозы, сохранившей листья под слоем копоти. В детстве Тэсса учила её: растения, выросшие у реки, умеют держаться за камень даже в паводок. Она вынула из сумки горсть семян цепкого плюща, размяла их между пальцами и приложила к мокрой кладке. Метка на запястье согрелась, но не подчинила растение. Эвелин прислушалась к его медленному, упрямому стремлению расти и мысленно попросила помощи.

Корни протянулись к трещинам. Утолщились. Зацепились за выступы.

— Держит! — крикнула Сайла снизу.

Кайрен посмотрел на зелёный мостик, выросший за несколько вдохов, и не сказал ничего о невозможности такой магии. Он первым передал девочку вниз, затем мальчика, затем осторожно помог Лиане. Последний огненный болт попал в ось мельничного колеса. Здание содрогнулось.

Эвелин оказалась у люка последней. Кайрен стоял рядом, удерживая обвалившуюся балку здоровой рукой.

— Вниз, — приказал он.

Она оглянулась. Он был бледен; кровь снова пропитывала повязку.

— Только вместе.

— Эвелин, не спорь.

— Прекрасная идея. Начинай с себя.

Он выдохнул то ли ругательство, то ли смешок, отпустил балку и бросился за ней. В тот же миг мельничное колесо рухнуло внутрь. Их швырнуло в холодную воду. Эвелин потеряла опору, ударилась плечом о камень и услышала над собой страшный треск. Кайрен схватил её за ворот плаща; течение потащило обоих к выходу, где свет факелов казался узкой золотой щелью.

Сайла и двое бойцов вытащили их на берег. Через несколько мгновений Архарион опустился в воду поперёк течения, заслонив людей от горящих обломков. Одна доска ударила его по чешуе и отскочила, будто была сделана из бумаги.

«В следующий раз, — произнёс дракон с убийственным спокойствием, — предупреждайте, прежде чем решите проплыть через здание».

Эвелин лежала на мокрой траве, не чувствуя ног. Рядом Кайрен тяжело дышал, прижимая ладонь к ране. Она повернулась к нему.

— Ты мог не выбраться.

— Ты тоже.

— Я не спрашивала о себе.

Он посмотрел на неё прямо. Отступить от этого взгляда оказалось труднее, чем прыгнуть в канал.

— Знаю, — сказал он. — Потому и вернулся.

Ночью они устроили лагерь на высоком берегу. Лиана с детьми спала у костра, а Сайла отправила разведчиков за нападавшими. Накладные удалось спасти: Эвелин спрятала футляр под плащ ещё до пожара. Кайрен долго изучал цифры, затем передал их ей.

— В Сольвейне у нас есть причина задать вопросы, на которые чиновники не захотят отвечать.

— И есть три человека, которым нужен безопасный дом.

— Об этом я позаботился.

Эвелин присела возле него. На лице маршала лежали усталость и тени от огня. Она медленно протянула руку, поправила край повязки. Он не отстранился.

— Ты не обязан каждый раз платить собой за правильное решение, — тихо сказала она.

— Меня учили иначе.

— Тогда учись заново.

Он накрыл её пальцы своей ладонью. Их руки оставались сцепленными недолго, но когда Эвелин поднялась, мир вокруг казался немного другим. Не безопаснее. Скорее таким, в котором опасность уже не требовала оставаться одной.

Глава 10. Город трёх мостов

Сольвейн был городом, в котором, по словам Сайлы, можно было купить всё, кроме хорошей репутации. Три каменных моста пересекали широкую реку, дома теснились у воды, а колокольни поднимались над крышами так неровно, словно строители долго спорили, какую считать главной.

Кайрен приказал оставить дракона в старом карьере за городом. Архарион согласился при условии, что к вечеру получит бочку форели. Эвелин назвала это вымогательством, дракон — достойным вознаграждением за службу.

На городском рынке пахло горячим хлебом, мокрой шерстью и печёными яблоками. Впервые после церемонии девушка оказалась среди людей, которые не смотрели на её запястье: метку скрывала широкая повязка. Это было почти счастье.

— Нам нужен архивариус по имени Нерия Фосс, — сказал Кайрен, останавливаясь возле лавки переплётчика. — Держитесь рядом.

— Вы произносите это чаще, чем моё имя.

— Оно короче вашего полного имени.

— При желании вы можете просто сказать «Эвелин».

— Эвелин, держитесь рядом.

Она сделала вид, что не услышала мягкости в его голосе.

У лавки с пряностями девушка заметила продавца, предлагавшего сушёные бутоны дымной лилии. Редкий сорт помогал успокоить драконов после ранений, и она остановилась спросить цену. Пока торговец искал мерные весы, к её руке потянулся мальчишка лет десяти.

— Тётя, у вас кошель выпал.

Эвелин посмотрела вниз. Кошель был на месте. Зато на поясе мальчика висела тонкая серебряная цепь, а по ту сторону улицы стоял человек в тёмном капюшоне. Капюшон был поднят слишком низко для тёплого дня.

— Не подходи, — тихо сказала она мальчику.

Он застыл, испугался и побежал. Человек в капюшоне шагнул следом, но Кайрен оказался между ними быстрее.

— Я бы на вашем месте не пытался, — произнёс маршал.

Незнакомец свернул в переулок. Кайрен не погнался: Эвелин заметила, с каким усилием он удержал себя на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.